

Золотой тупик

Игорь Бахтин

18+

Игорь Бахтин

Золотой тупик

«Автор»

2024

Бахтин И. И.

Золотой тупик / И. И. Бахтин — «Автор», 2024

Герой обожает Остапа Бендера, мечтает о миллионе долларов. Опыт такого "предпринимательства" к 33 годам у него уже богатый. Он встретит в южном городе своего Корейко и "полюбит" его. Однако его приключение и расследование приведёт к совершенно неожиданным последствиям. Время действия романа -- разгульные 90-е, когда делались безумные состояния.

© Бахтин И. И., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Часть первая	5
Глава I. Город нарзанов, фармацевтов и вокзальных поэтов	10
Глава II. Слишком много происшествий за одни сутки.	14
Глава III. Геноссе Шнайдер, мытарь Эдуард и зигзуг удачи.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игорь Бахтин

Золотой тупик

Часть первая

– Он живёт в Черноморске.

– Ну, конечно, так и знал. Черноморск! Там даже в довоенное время человек с десятью тысячами назывался миллионером. А теперь... могу себе представить! Нет, это чепуха!

– Да, нет же, дайте мне сказать. Это настоящий миллионер. Понимаете, Бендер, случилось мне недавно сидеть в тамошнем допре.

Илья Ильф, Евгений Петров. «Золотой телёнок».

Миллион, к чему бы это слово ни относилось, – слово необыкновенной притягательной и магнетической силы. Но представляем мы себе эту математическую величину смутно, как нечто необъятное, что трудно обозреть и объять. Миллион лет, миллион звёзд или миллион людей, мы привычно переводим в банальное определение «очень много». Но совсем другая реакция, когда мы слышим магическое – миллион долларов!

Перед нашим внутренним взором мгновенно возникают вполне конкретные вещи: сверкающие лаком автомобили, белые яхты, утопающие в цветущих садах особняки с бассейнами, новые фарфоровые зубы, одежда мировых брендов, шикарные квартиры, пляжи Флориды со стайками красавиц в бикини, рестораны с подбострастными официантами и невиданные напитки и яства.

С участвовавшим пульсом и поднявшимся давлением для всех этих «ништяков» мы мысленно находим цену и применение, прицениваемся к покупкам, трепетно подсчитываем свои расходы, и нам кажется, что этот миллион никогда не закончится.

Некоторые практичные и предприимчивые мечтатели тут же «кладут» этот миллион мечтаний в банк под приличные проценты, высчитывают с калькулятором в руках годовой прирост вклада, а после долго и мечтательно смотрят в окно, за которым обшарпанные хрущёвки его задымлённого промышленного района с бабушками на придомовых скамьях, неожиданно превращаются в сверкающие зеркальными окнами небоскрёбы и особняки, а любимая битая «шестёрка» цвета «молодая липа», стоящая у мусорного контейнера с надписью «Цой жив», в «Ягуар» последней модели.

Впрочем, миллион самой низкой мировой валюты – иранских риалов или вьетнамского донга, наверное, производит в головах тамошних мечтателей тот же эффект, с некоторой корректировкой к курсу доллару и количеству ожидаемых благ – слово-то магическое.

Стать миллионером непросто, но хотелось бы многим. Дело – это хлопотное, требующее усердия, упорства, стойкости, отваги, крайней степени изворотливости и определённой благосклонности фортуны. Для одних соискателей суммы с шестью нолями забег за миллионами может стать тяжёлой и изнурительной марафонской дистанцией, для других – это стремительный спурт, победная стометровка; третьи падают ещё на старте, с завистью провожая спины счастливых, но для многих забег, увы, часто становится последним.

Всех участников забега объединяет беспримерная преданность этому виду состязаний. Никакие досадные поражения не сломят марафонца, однажды державшего в своих руках миллион. Кассиры и бухгалтеры, считающие чужие деньги не в счёт, хотя и среди них периодически находятся люди, соблазнённые романтическим шелестом купюр, заморожено переступающие рамки уголовного права.

Вновь и вновь будут выходить обладатели сумм с шестью нолями на дистанцию, пытаюсь побить свои же рекорды, измеряемые не секундами, минутами и часами, метрами и килограммами, а долларами, рублями, франками или юанями, а лучше, говорят знающие люди, фунтами стерлингов.

Автору этих строк посчастливилось однажды держать в руках миллион не деноминированных ельцинских рублей образца 1997 года. На этот миллион тогда можно было купить килограмм конской колбасы, видимо изготовленной из элитных арабских скакунов.

Миллион добыть нелегко – потерять просто. Накопление требует постоянного притока средств, деньги должны двигаться, а не слёживаться в сундуке. «Мёртвые деньги» подвергаются рискам инфляций, деноминаций, дефолтов, кризисов, реформ, революций и других социальных потрясений, случающихся довольно часто и бывающих по большей части именно по тем, кто честно относил свои кровные копеечки в банки или держал их в тумбочке или под матрасом. Кроме всего, их могут отнять спортивные товарищи с горячими утюгами, кастетами и револьверами.

Устремления всякого миллионера всегда направлены на следующую, более высокую статусную ступень. Нет такого миллионера, который бы не мечтал стать миллиардером. Он будет делать всё, чтобы добиться этой цели: рисковать, влезать в авантюры, нарушать закон, клятвоотступничать, лгать, перешагивать через упавших в этом жестоком забеге. Великая цель оправдывает средства. Кредо такого героя: «Боливар не выдержит двоих».

И во всех больших состояниях, если рассматривать их нарастание под большим увеличением, всегда можно увидеть мутные подводные криминальные течения. Так считал и Остап Бендер, подчёркивая синим карандашом первую фразу «Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путём» в книге «Акулы капитализма», которую он выслал бандерюлю подпольному советскому миллионеру Корейко.

Правдивейшая иллюстрация к этим словам история взлёта клана Кеннеди. Патрик Кеннеди доплыл до благословенных берегов Соединённых Штатов Америки за двадцать тогдашних долларов. Работал в ужасных условиях бочаром, дожил лишь до 35-и лет, оставив после себя четверых детей. Патрика Кеннеди-младшего судьба отца не устраивала. Предприимчивый ирландец купил в рассрочку сырой подвал, обустроил в нём кабак (бар по их терминологии), в нём его земляки могли после тяжкой работы выпить сивухи и под небольшие проценты занять у хозяина денег. Спаянное верой и алкоголем католическое землячество благодарно выдвинуло земляка в палату представителей штата Массачусетс. Ушлый ирландец шагал широко. Ему удалось приобрести акции угольной компании, основать два небольших банка и жениться на женщине с состоянием. Своему сыну Джозефу он дал хорошее образование и в 25 лет тот стал банкиром. В 1914 году Джозеф женился на дочери мэра Бостона Розе Фитцджеральд, а в 1917 году у них родился сын Джон, будущий 35-й президент США.

Этапы триумфального забега Джозефа Кеннеди впечатляют – бежал он быстро. По пути к блистательному финишу удачно спекулировал земельными участками, крупно «наварился» на судостроении, фартово играл на бирже, контролировал в огромном районе Новая Англия кинотеатры. Для комфортной жизни купил большой дом в Нью-Йорке и зимний дом в Пальм Бич, в загашнике держал участок под Бостоном. Он мошенничает с акциями, вкладывается в Голливуд и зарабатывает на этом 5 миллионов долларов! В тридцать пять лет у него несколько миллионов долларов!

Великая Депрессия не помешала забегу. Ловкач благополучно обратил акции в деньги. С таким состоянием требовалось приблизиться к «телу», пора было завоёвывать высокое общественное положение, а тяга к этому была неумолимая. Видимо, на него произвели неизгладимое впечатление мудрые слова досточтимого мистера Джона Смоукера из книги «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса: «Если вас толкает к общественной жизни и

общественному положению, вы должны ждать встречи с соблазнами, которых не знают другие люди».

Джозеф очень хотел высокого общественного положения, давно грезил «соблазнами». Подвернулся подходящий момент – выборы Президента. Джозеф щедро дарит 25000 долларов на выборы Франклина Д. Рузвельта в президенты, одалживает 50000 долларов демократам, ещё 100000 долларов собирает с друзьями ирландцами.

И понеслось! Как обогатиться во время «Сухого закона», не нарушив его? Джозеф знал как. За свои щедроты он получил у правительства разрешение на ввоз в страну виски для «медицинских целей», виски закупил в Англии на 118000\$! По какой цене было продано это виски после отмены закона, история умалчивает.

Благодарный Рузвельт, выигравший выборы, «пустил лису в курятник», сделав Джозефа главой Комиссии по регулированию денежных сделок и биржи. До Джозефа в месяц на рынок выпускалось на один миллион долларов ценных бумаг, через год – 235 миллионов! Стремительно обгоняя в забеге конкурентов, обладатель уже 200 миллионов долларов Джозеф Кеннеди становится послом в Англии, на счетах его девятирех детей отложено по десять миллионов долларов! Им ничего другого не остаётся, как принять, свалившиеся на них «праведными» трудами отца великолепное будущее. Овальный кабинет Белого Дома для Джона Кеннеди становится вполне досягаемой целью – его купола сияют золотом ушедшего папаши! Приходится, однако, заметить, что обладание «соблазнами, которых не имеют другие люди», довольно часто в истории заканчивается для обладателей каплей яда в вино, перерезанным горлом, удушением в постели или, как в случае с Джоном Кеннеди, пулей снайпера. Но это уже совсем другая история.

Деятельность миллионеров страны Советов была подпольной и не встречала восторга и широкого одобрения ни властей, ни масс, ожидающих восхода светлого завтра, мало того, – она сурово каралась законом. В любой момент к обладателю зарытых на даче богатств могли явиться «три таинственных мужа» в погонах, а за этим следовала конфискация кровью и потом нажитого имущества, тюрьма и даже смертная казнь. Но несмотря на такие кошмарные условия забега, наши миллионеры сходить с дистанции не собирались, они верили, что придут другие времена, и подвигали их своим беспримерным трудом. И эти времена пришли.

К концу века, набившие советскому гражданину оскомину едкие газетные шапки: «мир капитала», «власть чистогана», «злостный оскал капитализма», «их нравы» потускнели и полиняли. Замельтешило, обживаясь на страницах газет и журналов новое слово «рынок», которое раньше ассоциировалось у населения со словом «базар». Теперь оно приняло совсем другое значение, став бесконечной мантрой. Говорливые дикторы на радио и на телевидение, как заклинание твердили магическое сакральное словцо. Молодых кандидатов наук, ещё недавно исправно плативших партийные взносы и горячо поддерживающих решения Съездов КПСС и плановую экономику, охватило буйное шаманское камлание. Они хором призывали «невидимую руку рынка» и «свободную торговлю», колотя в бубны, одолженные на загнивающем Западе.

Из портфелей суетливо доставались краплёные колоды карт. На запасных путях засыпали уголь, заливали воду, смазывали детали локомотива, готовившегося в неизведанный путь, полный потрясений, удач, гибельных падений, счастливых взлётов, надежд и разочарований.

Все в его вагоны поместиться не могли. Остальной стране рекомендовали идти пешими к конечной цели, с фантиками в кармане с магическим словом «Ваучер», где их ожидали новые автомобили «Волги», магазины полные колбасы, туалетной бумаги, японских телевизоров и видеомagneтофонов, джинсов, пива, жевательной резинки, высокие зарплаты в валюте, свободное перемещение по миру и безграничная свобода.

Всё должно было произойти не то в счастливые сто, не то в пятьсот дней. Это обнадеживало и воодушевляло массы. Закинув за спину мешки с сухарями, народ, смиренно вздохнув, под скорбный колокольный звон придорожных храмов двинулся к обещанным кисельным берегам и молочным рекам.

Состав рыночного экспресса спешно наполнялся пассажирами. В плацкартных вагонах, битком набитых разношёрстной публикой с воодушевлённо горящими глазами, велись горячие диспуты о демократии и либеральных свободах, в общих – играли в карты, пили водку, смазывали револьверы, примеряли кастеты и точили ножи суровые немногословные люди в жёваных спортивных костюмах и кроссовках на босу ногу.

За закрытыми дверями купейных вагонов рассаживались суетливые люди с одухотворёнными лицами комсомольского разлива, потными руками и лучистыми невинными глазами мошенников и шулеров. Разложив на столиках пачки каких-то документов, они что-то оживлённо обсуждали. Говорили на русском, иногда переходя на плохой английский. Пахло чем-то нечистым: то ли эти господа не успели помыться перед долгой дорогой, то ли вагон не успели привести в порядок после предыдущих товарищей-коммунистов.

Локомотив с грохотом тронулся, набирая скорость, обгоняя толпы бредущего полями народа. Из его окон им махали руками, с вытянутыми средними пальцами, кричали здравницы. Народ благожелательно улыбался, отвечая нестройными криками «Ура!!!»

Дошли до заветной цели даже быстрее, чем предполагалось. Автомобилей не получили – не мог один завод выпустить «Волг» на всё население страны, да этого и не предполагалось комбинаторами, стажировавшихся на ускоренных курсах по развалу страны в Йельском Университете.

Конвейеры заводов остановили, бумажки с загадочным словом «ваучер» гражданам пришлось продавать, так как перестали платить зарплату, а семьи нужно было кормить. Джинсы, колбаса и видеоманитофоны появились, но купить всё это стало не за что, заводы и фабрики, шахты и рудники закрывались, в кинотеатрах открывали клубы, на стадионах – рынки, на ино-марках разъезжали господа из купейных вагонов экспресса и бандиты. Народ отправился с клетчатými сумками в Польшу, Турцию и Эмираты за трусами, бельём, ширпотребом. Рынок – (bazar) заработал!

Немыслимая, невиданная по своей гнусности, наглости и масштабности мошенническая схема сработала. Огромная страна была поделена, подмята небольшим беспринципным, хладнокровным и жадным батальоном мерзавцев, присвоивших себе труд миллионов и немыслимые богатства недр страны. Величайший аферист мировой истории Виктор Люстиг, дважды ухитрившийся продать на металлолом Эйфелеву башню, не являющуюся его собственностью, мальчик-подмастерье перед перерожденцами комсомольского разлива, присвоивших себе целую страну. Люстига настигло наказание. Он получил срок в двадцать лет в тюрьме Алькатрас, где скончался от пневмонии, постаревшие комсомольцы процветают и поныне.

Обрюзгшие кидалы-комсомольцы, среди которых были лауреаты премий Ленинского Комсомола, кандидаты наук, редакторы журналов и прибившиеся к ним вороватые ловкачи и бандиты, обрели статус неприкасаемых. Детей своих они отправили учиться на берега Туманного Альбиона, «распилили» всё, что можно было распилить, обустроились во власти, живут и здравствуют в захваченной стране. Но, наверное, история эта ещё не закончилась. У всякой хитрой затеи бывает плохой конец, говорит народная русская мудрость.

=====

Шёл тысяча девятьсот девяносто второй год от Рождества Христова. В вечер жаркого летнего дня Тимофей Коврижкин, токарь остановленного завода «Красный коммунар» в тельняшке-безрукавке и семейных трусах турецкого производства с весёленьким овощным рисун-

ком, стоял на крыльце своего дачного домишка. Закурив беломорину, он задумчиво смотрел в сторону городских предместий.

Солнце нанизывалось на мёртвые трубы заводов и уходило на Запад. По шоссе, на пыльных обочинах которого паслись ряды живописно одетых свободных жриц любви, в сторону города двигался плотный поток автомобилей; два мужика, взобравшись на высоковольтную опору, бесстрашно срезали провода; соседка Коврижкина сосредоточенно втыкала в огородные грядки «заряженные» фотографии Чумака, (для урожая), одинокий сварщик резал автогенном полусгнивший трактор; в поле, заросшем борщевиком, валялся рассыпавшийся ТУ-134, упавший сюда три дня назад, вокруг него ходил охранник-милиционер с бутылкой пива в руке. Высоко в небе точками вились стрижи.

«Стрижи высоко – это к дождю», – удовлетворённо отметил Коврижкин, глядя с удовольствием на грядки с дружно зацветающей картошкой. «Выживем, если не прилетит, как прошлом годе проклятый колорадский жук, – пробормотал он, выбрасывая папиросу.

Из дома раздались музыкальные позывные телевизионной лотереи и он, взволновавшись, поспешил к телевизору. Он всегда покупал билеты этой лотереи и хотя был абсолютно уверен, что эти игры устраивают жулики, которые и снимают пенки, тем не мене, продолжал играть. Волшебное слово «джек-пот» действовало на него магически.

Глава I. Город нарзанов, фармацевтов и вокзальных поэтов

Морозным утром последней субботы февраля, точно по расписанию, к перрону курортного города Пятигорска подошла старая электричка. Судорожно дёрнулась, натужно заскрипела, и, лязгнув усталыми железными суставами, остановилась, выдохнув удовлетворённо: «Пф-ф-ф», как человек наконец-то, окончивший тяжёлую работу.

По-лошадиному фыркнув, открылись двери и людской поток, выдавливаемый из вагонов, хлынул на перрон. Распадаясь на группки и одиночные фигуры люди текли по лестнице ведущей на привокзальную площадь к автобусным и трамвайным остановкам. В числе последних пассажиров из вагона неспешно ступил на перрон высокий мужчина в кожаной куртке с меховым воротником, кейсом в руке и наплечной сумкой. Он не заспешил, как все к лестнице, а сделав несколько шагов по перрону, зябко поёжился, остановился, поставил кейс на перрон и поднял воротник куртки.

Закурив, он постоял, угрюмо разглядывая вокзал и видневшийся вдаль в сизой холодной дымке заснеженный Машук и, скептически усмехнувшись, пробормотал: «Машук, подаватель струй целебных, вокруг ручьёв его волшебных больных теснятся бледных рой». Молодой человек отшвырнул недокуренную сигарету и, бросив раздражённо: «Где этот рой больных в курортных панамках, где целебные струи? Серые продрогшие люди, озабоченные мелочными проблемами», он неторопливо направился к привокзальной площади.

Природа-мать наградила его смуглым цветом кожи и большими карими глазами, над которыми разлетались густые брови с капризным изломом, чуть сросшиеся на переносице; прямым некрупным носом, чётко очерченным жёстким ртом и мужественным подбородком. Жизнь успела внести некоторые коррективы в эту симпатичную внешность: на левой щеке мужчины синел неглубокий шрам в виде латинской буквы L, а виски уже успело слегка припорошить первое серебро, что, однако, не портило общей картины, а лишь добавляло ей мужественной привлекательности. Для полноты картины остаётся только добавить, что молодой человек был прекрасно сложен, совсем недавно ему стукнуло тридцать три года. Звали его Мерфин Эдуард Богданович, друзья звали его Эдди. О себе он обычно говорил: «Я – человек, внушающий доверие». И это было правдой.

С интересом рассматривая провинциальный пейзаж, молодой человек подошёл к киоску «Союзпечати» и остановился. Киоск пестрел календарями за 1992 год с изображением улыбающихся азиатских красоток в бикини во фривольных позах. По низу календарей сияла яркая надпись: «1992 – год Водяной Обезьяны. Год успеха!»

Хмыкнув: «Водяные обезьянки очень даже ничего», он обратил внимание на мужчину небольшого росточка и неопределённого возраста, топчущегося невдалеке, смущённо и ласково стригущего его скорбными глазами блудного сына, вернувшегося к отцу.

Несмотря на пронизывающий холод он был в издавшем виды вельветовом костюме-тройке, на голове красовался явно ему маловатый кокетливый велюровый берет. Разбитые, растоптанные и обшарпанные лаковые туфли с каблуками «копытами», наверное, помнили студию чечётки времён хрущёвской «оттепели»; когда-то белая бабочка, косо сидевшая под несвежим обтрёпанным воротником рубашки, обязана была, по всему, дополнять имидж интеллигентного и страждущего человека, находящегося в плену обстоятельств.

«Ещё один отстал от поезда жизни», – решил Эдди.

Застенчиво улыбаясь и подволакивая левую ногу, мужчина двинулся к нему. Вблизи оказалось, что щёки его украшает густая сеть лиловых капилляров, а в навязчиво-улыбчивом рту отсутствует пара передних зубов. Преданно вглядываясь в лицо гостя курорта безвинным

взглядом ребёнка, выцветшими белыми глазами, ондохнул одеколоном «Цитрон», шаркнул ногой, и неожиданно мягким и поставленным голосом развязно выдал:

– Когда я служил в «Сахартресте»,
Имел в месяц – кусок двести.
Носил брюки в полбсочку,
но проворовался в дбсочку.
Гражданин, позвольте папирсочку!
Эдди поднял брови, сдерживая смех.

– Бросьте привирать, дружище. В «Сахартресте», никогда таких денег не платили. Папирс нет. Сигарету?

Сглотнув слюну, новоявленный привокзальный поэт растерянно затоптался. Из протянутой ему пачки «Мальборо», забыв про интеллигентский имидж, дрожащей рукой он нахально изъяс сразу три сигареты. Две бережно уложил в нагрудный карман пиджака, одну направил в рот.

Эдди щёлкнул зажигалкой. Благодарно улыбаясь, попрошайка наклонился прикурить и его древний флорентийский берет упал на асфальт. Крякнув, он нагнулся, поднял его, нахлобучил на голову и прибил для надёжности ладонью, но очередная попытка прикурить стала такой же неудачной попыткой: берет вновь упал.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что встретились два человека, один из которых подобострастно и низко кланяется другому. Придерживая берет рукой, с третьей попытки мужчина прикурил, а Эдди с благодушным видом и смеющимися глазами, сказал:

– Достаточно, достаточно, дружище. Благодарю вас. Я принимаю ваши знаки уважения к гостю всероссийской здравницы. Никогда ещё меня так помпезно не встречали. Не суетитесь, пожалуйста, служенье муз не терпит суеты.

Незнакомец, с покрасневшим от тяжкой работы лицом, уставился на своего благодетеля рыскающим тревожным взглядом. Он жадно курил, лихорадочно соображая, удастся ли ему разжиться хотя бы небольшими деньгами: похмелье было ужасным, денег не было, а у виноводочного магазина до сих пор не было видно ни одного «коллеги». Слабая надежда тлела в измученном мозгу выпивохи: возможный благодетель не прогнал его, он улыбался, не грубил и даже не отказал в куреве.

Человечек лихорадочно пытался придумывать подходящий стихотворный текст, чтобы выклянчить денег, – это был его способ, – но муза, отравленная вчерашним коктейлем из бормотухи, одеколона «Цитрон» и самогона под консервы «Бычки в томате», обиженно молчала.

Эдди же, улыбаясь, закурил и панибратски хлопнул его по плечу.

– Чёрт возьми! Приятно встретить в губернской городке ценителя тонкой поэзии. В наше суровое время, когда люди скопом кинулись в объятья беспощадной Мамоне, это большая редкость. Теперь доминирует проза жизни, причём без знаков препинания и с орфографическими ошибками. Замечательно сказал поэт: «Горька судьба поэтов всех племён, тяжеле всех судьба казнит Россию».

Незнакомец оживился. Заморгал ресницами и брякнул совсем не к месту:

– Был честный фермер мой отец
Он не имел достатка,
Но от наследников своих...

... он требовал порядка, – закончил за него Эдди скучным голосом.

Выпивоха сконфуженно замолчал. Капилляры на щеках из лиловых стали красными.

«Опростоволосился. Не даст! Ничего не даст, – болезненно отстучал телетайп в истерзанном похмельем мозгу».

– Дорогой мой, – Эдди отбросил в урну окурки. – Я сам в душе немного поэт. Страдал и знал жизненные трудности, хотя не скрою от вас, мой друг, были в моей жизни и невероятно

приятные события. Фортуна частенько была ко мне благосклонна, но и нередко поворачивалась ко мне спиной. Кому, как не нам с вами знать, что именно в такие моменты мы замечаем какая у неё чудесная фигура. Что-то мне подсказывает, уважаемый, что у вас сейчас именно тот случай, когда ветреная фортуна отвернулась от вас. Но это, мой друг, проходит, всё проходит в этом мире, как говорил библейский мудрец. Что ж, учитывая бедность вашего несчастного отца фермера, который не оставил вам наследства, я вам дам тридцать... нет, пятьдесят рублей. О, только не нужно благодарностей, поберегите поясницу!

Поэт заморгал глазами и вытянулся перед ним, как рядовой перед генералом, пытаюсь изобразить на лице умилённую преданность.

– Хотя, – щёлкнул с раздумчивым видом Эдди, пальцами, – поскольку несомненным достоинством рыночных отношений является справедливая оплата, не унижающая честь и достоинство человека труда, давайте вступим в эти отношения. Каждый труд должен достойно оплачиваться, в том числе и работника тротуарного фронта с поэтическим уклоном. Эх, я ска- занул: почти по Ильфо-Петровски. Я возьму у вас интервью. За каждый вразумительный ответ плачу сто рублей, оплата сразу после интервью наличными. Вас устроит такой вариант?

Поэт икнул и так сильно кивнул головой, что берет опять свалился с головы. Он поднял его с болезненным видом, схватившись за поясницу, и уставился на благодетеля.

– Вопрос первый, – улыбнулся Эдди, – скажите, курорты всё ещё принадлежат народу, или их уже прибрал к рукам какой-нибудь нувориш со скучной фамилией Абдул Обстул Носом-бей из славного города Усть-Константинополя? Хотя... оценивая, м-мм, тяжёлое материальное положение первого встреченного мною здесь человека, вполне можно предположить, что жестокое проникновение железной пяты капитала здесь уже ощущается. Но, неужели, неужели, мы, батенька, так быстро отказались от социалистических ценностей, куда девалась наша, так сказать, советская гордость – смотреть на буржуев свысока?

Муза спустилась с небес к незнакомцу. Мысль о гоноре пробила закупоренные сосуды мозга и Эдди получил достойный ответ:

– Всегда народ к смятенью тайно склонен. Так борзый конь грызёт свои бразды...

– Неужели снова подполье, будем брать почту, телеграф, телефон, мосты и вокзалы? Не набивайте себе цену – это поэтический рэкет! – с фальшивым возмущением воскликнул Эдди. – Мы не договаривались на ответы в стихотворной форме. Хотя... валяйте, если вам так удобнее, но оплата от этого не вырастет, учтите это и не изнуряйте себя, пожалуйста, рифмами. Вопрос второй: имеется ли в вашем городе барахолка, толкучка или большой рынок? Втянулся ли уже ваш город в рыночные отношения?

Поэт думал мгновенье. Предчувствие скорого гонора подстёгивало его, муза-собутыльница судорожно обнимала его продрогшие плечи:

– Ситцы есть у нас богатые

Есть миткаль, кумач и плис.

Есть у нас мыла пахучие —

По две гривны за кусок...

– Чёрт возьми! Никакого разнообразия! – возмущённо сказал Эдди, сдерживая смех, – Один ассортимент по всей стране! Но мыло по две гривны, пожалуй, недорого. Ну, а марки- танты, негоцианты ваши жируют? Уже открыли публичный дом, казино, ездят на роскошных иномарках, работают коммерческие банки, ходит в обращении зелёная валюта, открыта биржа труда, горят в ночное время милые сердцу горожан красные фонари, в город идут иностранные инвестиции, можно получить кредиты под соблазнительный процент, появились долларовые миллионеры?

Привокзальный менестрель наморщил лоб, ища подходящие строки. Лицо его оживилось, капилляры стали лиловыми, и он радостно, оттого что сам понял, что его ответ к месту, изрёк:

– О, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!
Благосклонно улыбаясь, Эдди кивнул:

– О да. Это классика. Лучше про скопидомов не скажешь. Но это не секрет. Все торгаши и ростовщики скопидомы, полнейшие скряги, жмоты и мироеды. Но поэт сказал и другие, более оптимистичные слова, которые мне ближе: полно, дядя! Страшно мне, Уж не взять рублишка лишнего на чужой-то стороне? И, в принципе, вы неплохо справились со своей задачей и дали мне исчерпывающую информацию. Учитывая бешеный темп беспокойной инфляции, которая ни секунды не стоит на месте и уверенные шаги по стране либеризации цен, разумно будет увеличить ваш гонорар, – продолжал развлекаться Эдди.

Он протянул поэту три сторублёвки, но тут же спрятал их за спину, проговорив с серьёзнейшим выражением лица:

– Я, дорогой мой, очень серьёзно отношусь к некоторым событиям на жизненном пути они часто имеют глубокий мистический смысл. Первым человеком, встреченным мною в местах, где когда-то довелось бывать легендарному махинатору Остапу Бендеру, оказался поэт – это хороший знак. Доктор Чехов как-то сказал, что ружье, висящее на стене в первом акте, должно выстрелить в последнем. Кто знает, может наша встреча не последняя и имеет сакральный смысл. Может именно сейчас открылся занавес и под мягкую музыку начинается первый акт замечательной пьесы. Держите гонорар, дружище. Заслужили.

Поэт, цапнув деньги, преданно впился взглядом в щедрого спонсора.

– Полно, полно, успокойтесь. Не нужно благодарностей, – улыбнулся Эдди. – Последний вопрос. Скажите, Провал ещё не провалился?

Ответа он не дождался. Поэт, по всему, не мог уже вынести похмельных мучений. Мельпомену отодвинула весёлая Талия: зажав деньги в руке, поэт вприпрыжку бежал к магазину, у входа в который уже появились его потенциальные коллеги.

Проводив его взглядом, Эдди неторопливо двинулся к остановке такси и стал в конце длинной очереди. Очередь продвигалась быстро, машины подкатывали одна за другой. Кто-то тронул его за плечо. Белозубо скалясь, за ним пристроился негр с лицом цвета баклажана, пролежавшего в морозилке не один день.

– Кто последний? —проговорил он с округлым «о»

– Землячок? Здорово живёшь! Из Вологды штоль? – весело осклабился Эдди.

Тесёмки шапки-ушанки негр завязал под подбородком. Он был в выдавшей виды дублёрке, из тех, что носили советские пограничники, ночные сторожа и люди, успевшие купить такую дублёрку до 1987 года в магазинах «Военторга, спортивные шерстяные штаны с начёсом, африканец с вологодским говором, заправил в меховые унты.

Негр ответил неохотно.

– Конго. Учусь на фармацевта, и подтолкнул Эдди, – не тормози, мотор подошёл. Твоя очередь.

– Ну, прощай, землячок, желаю тебе открыть собственную аптеку в славном граде Бразавиле, – сказал Эдди, усаживаясь на переднее сиденье «Волги».

– На центральный рынок, – бросил он таксисту, пробормотав негромко: «Город нарзанов, поэтов и темнокожих фармацевтов.

Человек внушающий доверие закрыл глаза и устало откинул голову на подголовник.

Глава II. Слишком много происшествий за одни сутки.

А как чудесно всё начиналось! Во внутреннем кармане пиджака лежал паспорт с билетом в купейный вагон до Москвы, в новенькой элегантной наплечной сумке уютно устроились пятьдесят новеньких купюр США с портретом Бенджамина Франклина (аванс за проданную квартиру), рядом был лучший друг Изя Ландер.

Что сделают молодые городские повесы, стоя на продуваемом злыми февральскими ветрами проспекте у гостиницы «Баку», что в двух шагах от вокзала, когда у них есть шесть свободных часов перед отправлением поезда, а в бумажнике есть деньги? Все участники шоу ответили правильно.

Друзья отправились убивать время коньяком, шоколадом и кофе на четырнадцатый этаж гостиницы. В полупустом баре время убивалось плохо, заказали ещё одну бутылку и холодную закуску. И дружеские посиделки вполне могли бы закончиться тем, что друзья, основательно набравшись, на отяжелевших ногах дошли бы до вокзала и, крепко обнявшись, распрощались. Могли бы! Могли бы, если бы не Его Величество Случай, а он особенно услужлив, когда рюмки слишком часто наполняются.

За три часа до отправления поезда Его Величество прислал в бар шумную компанию музыкантов гостиничного ресторана, находящегося двумя этажами ниже бара: коллектив праздновал день рождения своего саксофониста. Не поучаствовать в чествовании коллеги по цеху, когда ты сам известная личность в музыкальном кругу города, было бы для Эдди проявлением плохого тона и нарушением кавказских традиций. Когда же музыканты услышали, что их коллега сегодня покидает родной город, – гульбище расширило рамки. Посыпались красочные кавказские тосты, количество спиртного на столе росло прямо пропорционально количеству тостов.

И вскоре точка бифуркации была пройдена, а развитие дальнейших событий становилось довольно туманным. День рождения саксофониста и тризна в связи отъездом земляка в столицу превращались в банальную попойку.

К семи вечера уже не сопротивляющихся Изю и Эдди потащили в ресторан на двенадцатый этаж. Мгновенно были сдвинуты и накрыты столы. Оркестр исполнял песни в честь дорогого земляка, покидающего любимый город, с соседних столов присылали шампанское на стол, где сидели Эдди с Изей. Совершенно незнакомые люди сочли своим долгом приглашать Эдди за свои столы и говорить в его честь красочные тосты; его просили петь – он поднимался на сцену и пел, с желающими с ним выпить – пил. Казалось, всех гостей ресторана охватила вселенская скорбь, а люди собрались здесь сегодня именно для того, чтобы проводить дорогого им человека.

Все желали ему успеха, обнимали, целовали, напутствовали, две красивые женщины оставили ему на салфетках номера своих телефонов. Покидая ресторан, Эдди оставил щедрые чаевые официанту, швырнул на сцену мятый комок денег, попав в лоб пианиста, который спутал аккорды.

На уже не такой ветренный и холодный проспект друзья вышли, обнявшись, в расстёгнутых куртках за полчаса до отправления поезда, на перрон ступили, когда локомотив прощально гуднул. Со слезами на глазах Изя затолкал друга в ближайший вагон и долго бежал за набирающим скорость поездом, прощально маша рукой, пока не упал, споткнувшись о тележку носильщика.

А его Величество Случай, по всему, не собирался расставаться со своим сегодняшним подшефным, он щедро собирал урожай. В купе он вошёл, крепко обнявшись с ним. Трое черноволосых небритых усачей сидели в нём, стол украшала бутылка коньяка, плитка шоколада и тонко нарезанный лимон. Рядом с ним дружелюбно сверкал финский нож, за ношение подоб-

ного в СССР могли пришить статью. Один из усачей, широко улыбаясь, осветил купе вспышкой золотых зубов самой высокой пробы, привстал, широко раскинул руки в стороны, и воскликнул с непередаваемым на бумаге тягучим бакинским акцентом:

–Ала-а-а, Эдик, красавчик, эта ты, нет?! Ты, где был, брат, да? Ты в Баку едешь, или в Москву, только честно говори, да.

Компания, по всему уже неплохо нагружившаяся, разразилась гомерическим хохотом. «Сардар...», – только и смог выговорить трагическим голосом Эдди, бросая скорбный взгляд на бутылку коньяка и падая на скамью. Пути Эдди и известного бакинского спекулянта и авантюриста Сардара Ахундова, через которого всегда можно было найти любой дефицитный товар, много раз пересекались с пользой для обоих. Из ниоткуда появился четвёртый стакан, он ритмично подрагивал под стук колёс, темнел и горько вздыхал вместе с Эдди, наполняясь коньяком, посветлеть ему не давали. Пили за здоровье Сардара и Эдди, за бакинцев, за матерей и отцов, за мужчин и за женщин, за братьев и сестёр, за друзей и недругов, за мир во всём мире, за Муслима Магомаева и команду КВН «Парни из Баку». После каждой выпитой порции коньяка Сардар подмигивал усачам и спрашивал у Эдди: «Ты в Москву едешь или в Баку? Честно говори», а усачи начинали истерически хохотать.

Наконец Эдди объяснили, что это анекдот века: пьяный бакинец едет в поезде Баку – Москва. Выйдя на одной из станций на перрон подышать, он с пьяных глаз садится в поезд направляющийся обратно в Баку. Через какое-то время он интересуется у пассажира с верхней полки, скоро ли поезд будет в Москве. Удивлённый пассажир отвечает, что лично он едет в Баку. Поразмыслив над этой неожиданной новостью, незадачливый пассажир восклицает: «Вай, мама! Двадцатый век, да? Верхний полка едет в Баку, нижний – в Москву. Прогресс, да!».

Во втором часу ночи, набивая синяки на плечах о тамбурные проходы, компания вернулась в купе из вагона ресторана. Эдди свалился на скамью не раздеваясь.

Когда, застонав, он разлепил глаза, за окном проплывал заснеженный пейзаж, замедляя ход, поезд подходил к станции Минеральные Воды. Воздух в купе состоял из продуктов окисления винных паров и «аромата» подсыхающих носков черноволосых усачей, заботливо уложенных стоймя в туфли хозяев. Усачи спали со страдальческим выражением на зелёных вурдачьих лицах, один из них периодически во сне хихикал, бормоча: «Верхний – в Баку, нижний – в Москву».

Срывающимся шёпотом шепча: «Теперь я знаю, что такое клиническая смерть», ощущая озноб, сердцебиение и мучительную жажду, Эдди прошёл к проводнику. Не пива, не минералки у него не было, чай нужно было ждать.

– Долго будем стоять? – спросил он у проводника, тот глянул на него понимающе:

– Успеешь, брат. Один нога тут – другой там.

Пришёпывая, как мантру, одну и ту же фразу: «Вода – источник жизни на земле», Эдди накинул куртку, перекинул через плечо сумку, зачем-то прихватил с собой кейс и спрыгнул с подножки вагона. Его Величество Случай не собирался с ним расставаться – он спрыгнул на перрон вместе с ним.

В буфет змеилась длинная раздражённая очередь. Под недовольный людской ропот, не церемонясь, Эдди прорвался к стойке, кинул деньги на прилавок буфетчику, у которого под несвежим халатом была тельняшка, а на голове краповый берет десантника, судорожно выстукал по прилавку сигнал SOS и прохрипел: «Спасай, братишка, пожар в трюме». – «Пиво завозят после двенадцати, – отважный буфетчик поставил на прилавок две бутылки «Нарзана».

Одну бутылку Эдди сунул в карман куртки, крышку второй открыл зубами, выплюнув её на пол. Проталкиваясь к выходу из зала ожидания, задрав голову, он жадно припал к горлышку. Кто-то грубо толкнул его в бок. Эдди поперхнулся и выругался:

– Извиняй, братан, – обнажил шербатый рот долговязый мужчина в лёгкой куртке, нутриевой шапке и тёмных очках.

– Слышь, Гомер, полегче, – раздражённо скривился Эдди и опять припал к горлышку бутылки. Где-то внутри него включился неясный маячок интуитивного беспокойства, предчувствия беды, но обессиленный алкоголем организм не в силах был забить тревогу.

Нутриевая шапка быстро мелькала над головами людей, она приближалась к выходу из зала ожидания. И тут мозг Эдди оглушительно выстрелил гаубицей четырёхсотмиллиметрового калибра, он на миг остолбенело остановился. Ему показалось, что весь бурлящий станционный зал ожидания от этого взрыва остановился вместе с ним и замер, а бежала только нутриевая шапка поверх голов людей и она была уже у выхода.

Эдди судорожно хлопнул рукой по боку, бутылка выпала из руки и разбилась, по спине побежали мурашки, лоб покрылся испариной: сумка была разрезана! Со страстным и яростным криком: «Стоять, падла, порву как Тузик грелку!» – он бросился за воров, бесцеремонно рассекая толпу, испуганно шарахающуюся от него в стороны.

На перроне он позорно поскользнулся на ледке и растянулся на асфальте, но быстро вскочив на ноги, резво рванул за оглядывающимся на бегу мужчиной. Когда он почти догнал вора, закричав: «Тормози, дылда, я всё прошу!» – произошло, то, чего он никак не ожидал. Откуда-то сбоку вынырнул парнишка лет четырнадцати и ворюга, как в эстафетном беге, передал ему бумажник. Пацан с заячьей прытью пронёсся по перрону, свернул в проулок и исчез. «За двумя зайцами погонишься, бери хлеба на неделю», – прошептал Эдди одну из поговорок тёти Офы.

Боязливо оглядываясь, дылда перешёл на шаг. Его миссия была выполнена, да и силы, по всему, покинули. Эдди на бегу огрел его по уху, развернув за руку к себе лицом, добавил коленом под дых, а когда тот согнулся, хватил кейсом по спине. Очки дылды упали на асфальт, хрустнув под ногами Эдди. Схватившись двумя руками за живот, вор гнусаво взвопил, закрутившись на месте, хватая ртом воздух:

– Люди хорошие, что деется-то, а? Помогите! Инвалида бьют!

И обращаясь к Эдди, плаксиво прогундосил:

– Что ж ты, беспредельщик, делаешь-то? Больного человека, инвалида, обижаешь, в натуре!

Эдди занёс кулак для очередного удара, прошепав:

– Сейчас я из тебя лежачего сделаю.

Вор истошно закричал, закрывая лицо руками:

– Люди хорошие! Помогите Бога ради – убивают!

Народ стал останавливаться, женщины зароптали

И тут, как из-под земли вырос немолодой упитанный старшина с отвислыми усами а-ля Тарас Шевченко, возраст которого уже давно обязывал его быть, по крайней мере, в звании хотя бы лейтенанта. Вор быстро юркнул за его широкую спину.

Лениво козырнув, милиционер строго спросил:

– Что здесь происходит, граждане?

Его Г в слове граждане выпукло прозвучало белёной хатой, изгородью с перевёрнутыми кувшинами, сморёнными жарким южным солнцем головками подсолнухов, селянином в вышиванке с оселедцем на бритой голове.

За Эдди, который ещё не отдышался, ответил с жалобным видом вор, высываясь из-за широкой спины милиционера:

– Вот, среди бела дня напал на больного человека, бить стал, начальник. Дурдом какой-то. Ни за что ни про что накинута, спортсмен хренов.

– Так уж ни за что, ни про что? – строго сказал страж порядка, с интересом разглядывая Эдди.

– В натуре, ни за что, – опять выглянул из-за спины милиционера вор и Эдди показалось, что он ухмыльнулся.

– Что ж вы себе позволяете? – повернулся старшина к Эдди, – хулиганите в общественном месте. Нехорошо, нехорошо... людей бьёте... приличный с виду молодой человек, что это на вас нашло?

– Так он же пьяный в дымину, начальник, прёт от него как из пивной бочки, – высунул голову вор, но взглянув на бледнеющего, с нервно прыгающей щекой Эдди, опять шустро спрятался за спину милиционера.

– Помолчите, гражданин, – осадил его милиционер строго.

– А чего это сразу гражданин? – обижено прогундосил вор.

– Эта мразь срезала у меня бумажник, – тяжело дыша, держась за печень и, показывая разрез на сумке, выдохнул Эдди.

– И где же он? – с неподдельным интересом спросил страж порядка, пригладив заиндевшие усы.

– Бумажник... бумажник убежал с пацаном, подельником этого хмыря, – ответил Эдди, с трепетом осозная весь трагизм своих слов.

– Ты чё гонишь? – возмутился вор, – ты что мне вешаешь?

– Помолчите! – прикрикнул на него милиционер и повернулся к Эдди, – придётся пройти в отдел.

В Эдди зарождалось смутное подозрение, что страж порядка и вор близко знакомы, может быть, даже родственники и здесь происходит какой-то спектакль. Он с тоской обернулся: его поезд, фыркая, прощально гуднув, отходил от перрона.

– Поезд... мой поезд, – простонал он.

– Дело серьёзное, нужно разобраться. Не волнуйтесь, мы вас на другой посадим. Пойдёмте, граждане, – сказал милиционер, и Эдди пошёл за ним, провожая глазами уходящий поезд.

В отделе вор ломал комедию, показывал шрамы на животе, но писать заявление на хулиганские действия Мерфина Эдуарда Богдановича отказался, заявив:

– Не, начальник, телегу писать на этого беспредельщика не буду. Не по понятиям это. Бог ему судья. Очки мне сломал, паразит.

– Выдадут новые в Обществе Слепых, – Эдди обессилено и униженно бледнел, устало потирая висок.

У двери вор остановился с весёлым видом. Эдди показалось, что он подмигнул, кинув:

– Покедова, начальник.

Отпустив нагло ухмыляющегося вора, милиционер, пожёывая прокуренный ус, со скорбным лицом развёл руками:

– А, что оставалось делать? Ни свидетелей, ни бумажника, одни ваши слова к делу не пришьёшь. Если бы с поличным, тогда бы другое дело. То, что бегают человек по перрону ни о чём не говорит, согреться может, хотел. Скажите спасибо, что он не предъявил вам обвинение в избиении. Дело – это тупиковое, вы только представьте себе сколько времени может эта тяжба тянуться, не станете же вы здесь сидеть, ожидая исхода дела? А гражданина Дёмушкина я взял на карандаш. Если он, в самом деле, занимается в моей вотчине воровством, то рано или поздно я его выловлю и определю на нары. Хотя это, наверное, будет небольшим утешением для вас сейчас, Эдуард Богданович... пять тысяч долларов сумма приличная в наше время. Да, пять тысяч... сумма хорошая, – закончил старшина и потёр ладони, глядя в потолок с мечтательным видом.

При последних словах его казацкие усы выпрямились кончиками вверх, как у Сальвадора Дали, лицо вдохновенно просветлело, глаза влажно заблестели. У него был вид чело-

века, только что услышавшего от ведущего телевизионной лотереи выигрышный номер своего билета

Холодея от отвращения и злобы к стражу порядка, а ещё больше к себе, Эдди прозревал. Никогда ещё он не чувствовал себя таким оплётанным и униженным. Окончательно прозрев, он встал со стула и, глядя на повеселевшего старшину, пытающегося придать усам прежнее положение, сказал:

– Всё так просто? Комбинация из двух пальцев? Хороший день, старшина?

Страж порядка удивлённо поднял брови.

– В каком это смысле, гражданин Мерфин?

– В том, товарищ Деревянко, что сумма, в самом деле, хорошая, не каждый день такое случается, да? По два с половиной косаря «бакинских» на брата, или вы, как водится, с начальством делитесь?

Милиционер пожевал губами.

– А вот за это, гражданин Мерфин, я вас могу...

– Не можешь. Невыгодно тебе, чтобы я копать начал, да заявления в прокуратуру писать. Такую лавочку потерять, а? Вокзал, приезд, отъезд, ты здесь за шерифа, Дёмушкин с пацаном под тобой работают, навар отличный. А пострадавшие... тут ты прав, не сидеть же им здесь в ожидании справедливости, – сказал Эдди. – Вообще, райские условия. Но я ещё появлюсь здесь для окончательного восстановления справедливости, имей это в виду.

Сержант цыкнул зубом, нагло ухмыльнулся.

– Граждане, граждане, – зло передразнил его Эдди, сплюнув, и хлопнул дверью.

На перроне он жадно выпил всю бутылку «Нарзана». закурил, достал из внутреннего кармана пиджака оставшиеся деньги, пересчитал. Денег оставалось немного, он с тоской вспомнил комок денег, выброшенный музыкантам. В столице «коллеги» ждали его приезда с деньгами, его доля в интересном аферистическом проекте была определена в пять тысяч долларов.

Зябко поёжившись, он поднял воротник куртки, пробормотав:

– Остаётся только согласиться с веским доводом бравого солдата Швейка, что на вокзале всегда крали и будут красть, без этого не обойтись.

Он огляделся и неожиданно расхохотался. Добрая подруга человечества, госпожа Ирония, подала ему таблетку:

– Так куда ты, брат, ехал в Москву или в Баку?

Две старушки испуганно отпрянули от него, он подмигнул им.

– Главное, что б не было войны. Так ведь бабушки?

– Это ты правильно говоришь, сынок, – сказала одна из них, повернулась к подруге и продолжила прерванный разговор:

– Я, Петровна, такого богатого рынка отродясь не видала. Товара и нашего, и заморского окиян-море. Кооперативщики всё задарма отдают. Я себе там такие валеночки отхватила с меховой оторочкой! У нас в станице такие втридорога продают заезжие перекупщики. Клеёнку импортную купила, плёнкой для парника запаслась, джинсы варёные внуку взяла, а деду приёму импортный, толчея только дикая, но оно того стоит.

Она наклонилась к уху подруги и что-то стала быстро нашёптывать, та, расширив глаза, прыснула в кулак.

– Врёшь! Срамота-то какая! Неужто такое продают?

Эдди с серьёзным видом спросил:

– Я извиняюсь, что встречаю в ваш приватный разговор. А на этом чудесном рынке будильники продаются?

– Я там китайский говорящий купила, – ответила бабуля.

– Я всегда мечтал о китайском говорящем будильнике, я с вами, женщины, – сказал Эдди.

– Тады за билетом беги, сынок, электричка через десять минут, – сообщила говорливая старушка.

За время пока Эдди слушал беседу женщин, он определился с планом дальнейших действий: вторую часть денег за проданную квартиру он мог по договорённости с покупателем получить через неделю. «Отзвонюсь в Москву, попью целебной водички в Пятигорске, отоплюсь, наконец, в гостинице, приду в себя. Вернусь в Баку за деньгами, дальше видно будет».

Купив билет до Пятигорска, потирая покрасневшие от холода уши, (утеплённая кепка с ушками осталась в купе), он пошёл к электричке, думая о том, что первым делом купит какой-нибудь головной убор.

Если бы он мог видеть картину побудки, происходившую в эти минуты в купе поезда, уносящего усачей в столицу, он бы оценил иронию ситуации. Проснувшиеся земляки, обнаружив в купе только его кепку, недоумённо переглянулись, а Сардар, хмыкнув, брякнул: «Кепка едет в Москву». Другой усач, подмигнув ему, заключил: «А Эдик в Баку», и поставил на стол бутылку коньяка.

Глава III. Геноссе Шнайдер, мытарь Эдуард и зигзуг удачи.

«Э-э-э, да здесь суший лоховской Клондайк», – озираясь, прошептал Эдди, ступив на посыпанный песком обледелый асфальт рынка. Зорко окидывая взглядом окрестность, он быстро выхватывал бросающиеся в глаза особенности провинциального рынка, чувствуя нарастающий, непреодолимый зуд, зовущий к действиям.

Сразу за входом в рынок нагло расположился старый «Форд» с распахнутыми дверями, мощные динамики выплёвывали из салона машины страдающий голос певца Казаченко: «Больно мне, больно! Не унять мне эту злую боль...». Рядом с машиной двое крепких бритых молодцов заломили руки очкарику, третий отвешивал ему увесистые пинки коленом, очкарик дико взвизгивал после каждого пинка: «Больно!». Казалось, что это именно он страдальчески выводит это «больно мне, больно». «Изумительный синтез формы и содержания», – пробормотал Эдди и свернул к платному туалету, где от души расхохотался – над писсуаром висела картонка с нехитрым призывом: «Товарищи! Уважайте труд уборщиц. Соотносите свои действия у писсуара с формулой $S = V * T$ ». «Это город не только вокзальный поэтов и конголезских фармацевтов с вологодским говором, но и физиков-острословов, мне здесь начинает нравиться» – усмехнулся он.

В голове же зрел план, стремительно прокручивались варианты, его охватило волнение охотника и нервозность. Ноги вынесли его к зданию администрации рынка, где он тщательно ознакомился с вывешенной на стенде информацией. Вернувшись ко входу в рынок, он медленно двинулся вдоль первого внешнего торгового ряда. Субботний день, несмотря на холод гнал людей на рынок, толчея была невообразимая, а народ всё прибывал.

Студент третьего курса, будущий преподаватель английского языка Юрий Шнайдер, мёрз рядом с «прищурившимися» вьетнамцами, бойко торговавшими самопальными джинсами и куртками «варёнками». Джинсы убегали «влёт». Вьетнамцы начинали торговаться с «тысяся тлиста», но щедро опускали цену до «тысяси».

Поглядывая, как быстро пустеют пузатые клетчатые баулы вьетнамцев, Юрий завистливо думал: «Тысяча триста! Это же тринадцать моих стипендий! Народ ноет кругом, что безденежье, а сметают сволочи с прилавок всё. Эх, были б сейчас деньжата купил бы у узкоплёчных весь их товар оптом, рублей по восемьсот за штуку и перепродал бы в розницу по тысяче сто. Хороший товар, не то, что мой, чёрт меня дёрнул купить эту дрянь». Он немного подумал и сказал, раздражённо пнув ногой свою сумку: «По тысяча двести».

Перед Новым 1992 годом он скупил в пригородной станице на всю имеющуюся у него наличность, неведь как туда попавшую демократическую новинку – импортные женские гигиенические прокладки, надеясь прилично навариться на редком и важном, по его мнению, товаре для женщин. Этим он несказанно обрадовал продавщицу магазина, которая за три месяца не продала ни одного экземпляра диковинной забугорной продукции, и даже дважды снижала цену экзотического товара. Получив товар, она долго не могла понять его назначение, предполагала, что это скорей всего гуманитарные немецкие галеты. Вскрыв упаковку, обнаружила салфетки, но городская подруга на ухо ей объяснила, что это за салфетки. Местные фемины-казачки, разглядывая экзотический товар, хохотали и плевались, а станичники грубо пошучивали.

Юрий «пролетал». Планы быстрого наvara рушились. Товар не пользовался спросом, а он мёрз на морозе, проклиная свой неудачный бизнес-проект. Вьетнамцы расторгались, и весело треща, ушли. На их место пристроились разбитные ребята с сигаретами. Торговля заки-

пела и у них. Юрий со злобой косился на новых удачливых соседей. «Проклятые прокладки, – шептал он, – Как же я лопухнулся! Все торгуют, а я пролетаю, как фанера над Парижем. А может место у меня неудачное? Нужно было мне дураку стать на фартовое место вьетнамцев. Что за день такой ужасный!? И холодно невообразимо, ноги мёрзнут, а говорили, что зима будет тёплой. Чёрт, придётся новые ботинки покупать. Или потерпеть? До марта всего ничего осталось».

Деньги на ботинки (и не одни), у Юрия были, но он тянул с покупкой новой обуви, обманывая себя успокоительными мыслями о том, что зима будет в этом году тёплой и недолгой, как предсказывали синоптики. На самом деле купить новую обувь ему не давала сделать его скопидомская сущность: он самозабвенно любил деньги, экономил на самых необходимых вещах – Юрий мечтал разбогатеть.

Справа от него пристроился бородатый мужчина в чёрном бушлате и морской фуражке. Покуривая трубку, он разложил на брезентовом стульчике яркие коробочки с презервативами. Тут же на стуле укрепил картонку с рекламой: «Товарищи мужчины! Презервативы не только оберегают от инфекций, но и помогают планировать семью!» Мужчины останавливались, читали рекламу, но средства «планирования», посмеиваясь, брали. «Проклятье! И у капитана Врунгеля торговля пошла», – с очередным приступом зависти думал Юрий, начиная приплясывать от холода. Настроение у него испортилось вконец.

Он решил уйти, но тут перед ним остановился незнакомец и, улыбаясь, спросил:

– Почём нынче предметы личной гигиены простой российской домохозяйки?

Юрий смотрел на него неприязненно. Он оценил подошедшего, как праздно шатающегося повесу и раздражённо процедил:

– Оно вам надо?

– Оно мне точно не надо по физиологическим показателям, – рассмеялся незнакомец. – Не грустите, дружище. У вашего деликатнейшего товара есть одно большое преимущество, слава Богу он не портящийся. Когда-нибудь непременно продадите. Я бы вам посоветовал сдать его по приемлемой цене на реализацию в какой-нибудь магазин. Потихоньку он убежит, а вы хотя бы свои деньги спасёте.

– Купите вы. Уступлю оптом, – нагло ухмыльнулся Юрий.

– Я сомнительные сделки, г-мм, не заключаю, – рассматривая разбитые ботинки Юрия, сказал Эдди и закурил.

– В магазине и трети денег не вернёшь, – обиженно пробурчал Юрий, пританцовывая от холода. – Знаете, по какой цене его примут? Троглодиты! За рубль примут – за пять продавать будут!

– Таки стойте и мёрзните, пока все магазины не наполнятся вашим товаром, а это скоро непременно произойдёт, я вам это обещаю. Тогда уж вы точно «пролетите» окончательно. Газеты нужно читать. В прошлом месяце Ельцин подписал указ о свободной торговле, разве вы этого не знаете? Ушлые торгаши теперь оперативно повезут из-за бугра всё, чего раньше здесь не было, да и народ скоро сам рванёт барышничать. Ставлю доллар против десяти вьетнамских донгов, что вы студент и приезжий.

Юрий поднял брови, ухмыльнулся одной щекой, злобно скосив глаза на «капитана Врунгеля», у которого здоровяк в тулупе купил целую связку коробок с презервативами.

– У меня, что на лбу это написано? С чего вы это взяли?

– Из источников близких к официальным. Разрешите представиться: Эдуард Богданович Мерфин, официальный дистрибьютор фирмы «Зеро-Плюс». Оптовая торговля воздухом свободы.

Юрий шутку оценил, рассмеялся.

– Шнайдер Юрий, – и добавил для солидности, – Юрий Оттович. К сожалению, на сегодняшний день моё предприятие носит имя «Зеро-минус».

– Из точки бифуркации могут возникнуть самые неожиданные пути развития. Но нужно быть оптимистом. Капитализм у нас в зародышевой форме, но сейчас самое горячее время для накопления активов, хотя путь этот тернистый и опасный. Читайте классическую западную литературу. Извините, Юрий, а почему вы до сих пор не в сосично-пивном раю? Фамилия вам сопутствует...

– Меня бы больше устроили берега туманного Альбиона.

– Вот как! А меня бы удовлетворила солнечная Калифорния или Флорида. У нас оказывается есть точки соприкосновения, это обнадёживает. Хотите вложить в свой первоначальный капитал, ничего не делая, рублей пятьсот?

Глаза студента на миг вспыхнули янтарным кошачьим блеском, но тут же погасли.

– Так просто денег никто не даёт, – хмыкнул он.

– А я вам просто так их и не дам, вы их отработаете. Вы далеко от рынка живёте?

– Совсем рядом.

– Условия, конечно же, спартанские, как у большинства студентов. Золотое время, хотя и безденежное, – задумчиво сказал Эдди. – Пристройка к хозяйской усадьбе, удобства во дворе. Но я ужасно устал с дороги, мне обязательно нужно передохнуть пару часов поспать, прийти в себя. Ваша задача проста: я нанимаю такси, вы греетесь, ждёте меня в нём у центрального входа, я еду к вам, расплачиваюсь за работу и приют и испаряюсь.

Кошачьи глаза студента вспыхнули ещё раз, он ухмыльнулся.

– Мне страшно становится... вы маг со сверхъестественными способностями?

Эдди смотрел на студента, улыбаясь, Юрий задумчиво тёр подмёрзшее красное ухо.

– Добавьте пару сотен...

– Мне очень жаль, что ваша гнедая сломала ногу, – Эдди отшвырнул сигарету и повернулся собираясь уйти.

– Погодите, – замялся Юрий.

– За что добавить? – с наигранным возмущением воскликнул Эдди, останавливаясь.

– Ну... просто, – Юрий смущённо опустил глаза.

В голосе Эдди зазвучал металл.

– Геноссе Юрген, вы сутяжничаете. У меня был знакомый с простым именем Вовчик. В детстве он просто сбегал с уроков, позже из дома, просто обворовывал своих родителей и друзей, просто обчищал чужие карманы. Родители, друзья, учителя, а позднее и следователи, многократно задавали ему один и тот же риторический вопрос: «Зачем, ты это делаешь, Вовчик?» А он им стеснительно, потупив ангельский взор, точно, как вы сейчас, отвечал скромно и с достоинством: «Просто». Потом он просто зарезал человека, и простой советский военно-служажий его просто расстрелял.

Юрий хотел что-то возразить, но Эдди ему этого не дал, продолжив:

– Я ещё не кончил, герр Шнайдер, В Армавире жил один скромный и благородный старик калека, трудящийся асфальто-тротуарного фронта. Он прекрасно работал на пересечении двух центральных улиц города, строя из себя несчастного калеку пострадавшего в Куликовской Битве. Не шиковал, но кепка его стабильно наполнялась мелочью, а иногда и мелкими купюрами, на пиво, еду и курево хватало. Недавно я случайно оказался в Армавире и с учётом инфляции и либеризации цен, поддержал старого бродягу, а поскольку «деревянных» у меня не было, бросил в его кепку десять долларов. Он ужасно разволновался, пришёл в неописуемый праздничный восторг и девичьи мечтания. В голове его, наверное, завертелись наполеоновские планы роскошной жизни. Дело, увы, дошло до сердечного приступа и не дождавшись неотложки, бедолага скончался на глазах у прохожих. Большие деньги – большие хлопоты, а иногда и неприятности. Десять долларов для бедняги были огромными деньгами. Возможно, одухотворённое лицо Александра Гамильтона на десятидолларовой бумажке произвели в нём слишком сильное потрясение. Я скорблю по его кончине, и корю себя за необдуманное посту-

пок. Курочка говорят, по зёрнышку клюёт, а скромность украшает человека. Май либе Юрген, я, пожалуй, поищу более сговорчивого одноразового, г-мм, компаньона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.